УДК 316(075.8), 316.334.2

О СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ТРУДА И ЛОВУШКАХ ЦИФРОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Л. Г. ТИТАРЕНКО[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассматривается развитие социологии труда на примере работ белорусских и российских авторов. Изучаются причины снижения социальной ценности труда в постсоветском обществе, нашедшего отражение в смещении акцентов исследований с темы труда на тему досуга и исчезновении социологии труда из программ университетов. Раскрывается двойственный эффект цифровой трансформации общества. С одной стороны, она создала возможности для облегчения труда и роста его производительности, а с другой – обусловила риски живого труда (технологическая безработица, стрессы, фрустрация, прекаризация). Отмечается, что непредвиденными следствиями цифровой трансформации в условиях перехода к рыночному обществу стали падение социальной ценности труда и возникновение феномена бессмысленной работы. Данные обстоятельства привели к появлению парадоксов и ловушек цифровой повседневности – ситуациям, в которых действия, направленные на позитивные изменения, приводят к непредвиденным негативным результатам. Такие риски актуальны как для молодого поколения, обладающего цифровыми знаниями и компетенциями, так и для старшего поколения, предпочитающего работать без радикальных перемен. Делается вывод о том, что в условиях двойственности цифровой трансформации общества необходимо искать пути смягчения возникающих социально-экономических проблем, а также способы роста удовлетворенности работников своим трудом.

Ключевые слова: социальная ценность труда; цифровые инновационные технологии; двойственность цифровой трансформации; риски; цифровая повседневность; студенчество.

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (задание 4.08.3, № гос. регистрации 20211892).

ABOUT THE SOCIAL VALUE OF WORK AND THE TRAPS OF DIGITAL TRANSFORMATION

L. G. TITARENKO[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The development of the sociology of labour is considered on the example of the works of Belarusian and Russian authors. The reasons for the decline in the social value of work in post-Soviet society are studied, reflected in the shift in research emphasis from the topic of work to the topic of leisure and the disappearance of labour sociology from university programmes. The dual effect of the digital transformation of society is revealed. On the one hand, it has created opportunities to facilitate labour and increase its productivity, and on the other hand, it has caused the risks of live labour (technological unemployment, stress, frustration, precarisation). It is noted that the unforeseen consequences of digital transformation in the conditions of transition to a market society were the decline in the social value of work and the emergence of the phenomenon of meaningless work. These circumstances have led to the emergence of paradoxes and pitfalls of digital everyday

Образец цитирования:
Титаренко ЛГ. О социальной ценности труда и ловушках цифровой повседневности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:15–21.
EDN: SCPYEL

For citation:
Titarenko LG. About the social value of work and the traps of digital transformation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:15–21. Russian.
EDN: SCPYEL

Автор:
Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by
https://orcid.org/0000-0002-5729-1430

life – situations in which actions aimed at positive changes lead to unforeseen negative results. Such risks are relevant both for the younger generation with digital knowledge and competencies, and for older generations who prefer to work without radical changes. It is concluded that in the context of the duality of the digital transformation of society, it is necessary to look for ways to mitigate emerging socio-economic problems, as well as ways to increase employee satisfaction with their work.

Keywords: social value of work; digital innovative technologies; duality of digital transformation; risks; digital everyday life; students.

Acknowledgements. The article was carried out within the framework of the state research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian state» (task 4.08.3, state registration No. 20211892).

Введение

Больше трети века назад, когда в Белорусском государственном университете создавалась кафедра социологии, страна переживала «излет» социализма. Тем не менее социологическая наука находилась на подъеме: она стала обязательной дисциплиной в учреждениях высшего образования, учебные программы по специальности «социология» содержали базовый курс по социологии труда – основы общества в концепции К. Маркса. В указанном курсе труд рассматривался и как основа жизнедеятельности социума, и как фундаментальное условие становления и развития личности (лозунг «Труд создал человека» был взят из марксизма и развит в социологическом курсе советскими авторами). Конечно, с одной стороны, это был партийный заказ: советская социология часто получала подобные задания и выполняла функцию диагностирования происходящих в обществе процессов, любое эмпирическое исследование социологи старались завершать разработкой практических рекомендаций по управлению в той или иной сфере. С другой стороны, изучение труда соответствовало социальным реалиям, так как в структуре советского общества преобладали представители сферы материального производства. Да и сам рабочий класс по-прежнему считался самым передовым слоем общества, анализ существования которого был естественным и необходимым в социалистическом государстве.

Неслучайно первые наиболее известные исследования советских социологов в 1960-х гг. были проведены именно в сфере труда. По результатам этих исследований шестидесятники В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов написали книгу, которая стала бестселлером советской социологии [1]. Работа была переведена на многие языки. Позднее в советской социологии появились публикации по теории и методологии исследования труда (В. Я. Ельмеев, В. И. Герчиков, Б. Г. Тукумцев), промышленной (заводской) социологии (С. Г. Климова, В. Г. Подмарков, В. В. Щербина, М. А. Слюсарянский, Я. Л. Эйдельман, А. А. Русалинова), труда в сельском хозяйстве (Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина). Поскольку социология труда была одним из доминирующих направлений в советской социологической науке, в ее рамках работали многие авторы, включая ведущего советского и российского социолога, бывшего главного редактора журнала «Социологические исследования» Ж. Т. Тощенко[1].

На созданной в БГУ кафедре социологии главными специалистами в сфере социологии труда в те годы были доцент И. Я. Писаренко и профессор Г. Н. Соколова. Их работы, связанные с социологией труда, были популярны и среди преподавателей, и среди студентов, поскольку данная тематика в тот период была актуальной [2; 3]. Пришедшая на кафедру Ж. М. Грищенко, ранее работавшая в прикладной сфере, гордилась своей диссертацией на тему социалистического соревнования. С. Н. Бурова нашла свою нишу в изучении гендерных проблем, первоначально исследуя их на примере выборки женщин. Работающие женщины указывали на трудности в карьерном росте, более низкую оплату труда и более высокую бытовую нагрузку по сравнению с мужчинами. В подготовке работ на стыке социологии труда и социологии управления принимали участие многие сотрудники кафедры [4; 5].

Постсоветская эпоха по-новому расставила акценты и в жизни общества, и, соответственно, в социологических исследованиях. Государство стремилось поскорее отказаться от идей социализма, включая идеалы трудового общества. Все они вместе с теорией марксизма были быстро забыты. Среди населения постепенно стали преобладать интересы общества потребления, описанные еще Г. Маркузе для США 1960-х гг. [6]. Новое поколение студентов хотело изучать маркетинг и менеджмент, чтобы в последующем преуспеть на рынке труда. Проблемы самого труда их не волновали. Молодежь не задумывалась о таких феноменах, как возвращение эксплуатации и отчуждения труда или социальная дезинтеграция общества, даже если изучение этих явлений еще входило в общий курс социологии. Как недавно критически отозвался о постсоветском образовании прежних десятилетий депутат Государ-

[1] *Тощенко Ж. Т.* Социология труда : учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «социология» и «экономика труда». М. : Юнити, 2008. 423 с.

ственной думы Российской Федерации О. Н. Смолин, утвердившаяся уже в 1990-х гг. модель экономики, ориентированная не на производство, а на торговлю и обслуживание, сформировала «так называемую сервисную модель высшего образования – с акцентом на обслуживание»[2]. Тенденции развития системы образования в Беларуси были схожими с ситуацией в России.

Сотрудники кафедры социологии БГУ также стали увлекаться тематикой, связанной с проблемами экономической социологии в истории социологии (А. П. Лимаренко), социологии конкуренции (Л. А. Гуцаленко), социологии предпринимательства (Е. Г. Павлова) и социологии управления (П. П. Украинец). Подробное описание трудов той поры, изданных сотрудниками кафедры, можно найти в книге «Кафедра социологии БГУ. История и современность» [7].

Поскольку радикально менялась эпоха, неизбежно менялось и содержание образования. В начале нынешнего века социология труда исчезла из учебных программ. В них осталась только экономическая социология, которая развивается на стыке социологии и экономики. В настоящее время, как считает российский социолог А. Ю. Чепуренко, экономическая социология рассматривает в основном экономические проблемы адаптации рынка труда к капитализму [8].

Уже в конце 1980-х гг., в период перестройки и перехода к рыночной экономике, феномен труда претерпел существенные перемены: он стал терять свой социальный смысл и значимость. Не только у молодых, но и у старших поколений формировалась сильная материальная мотивация труда.

Целями настоящей статьи выступают раскрытие причин изменений общественной оценки социальной ценности труда, а также выявление непредвиденных последствий и парадоксов в сфере труда, вызванных процессами цифровой трансформации экономики и повседневной жизни.

Социальная ценность труда – ценность какого общества?

Почему произошло падение социальной ценности труда? Потому что после распада Советского Союза на первый план вышли рыночные отношения и потребительство, а высокая зарплата стала цениться больше значимой для общества работы. Многие исследования конца 1990-х – начала 2000-х гг. отмечали произошедший в сфере мотивации труда поворот к материальному, который являлся отражением социальных перемен. С конца XX в. крах социализма, затем цифровизация и, наконец, пандемия COVID-19 обусловили превращение труда из высшей ценности общества в ординарный товар на глобальном потребительском рынке. Индивид потерял возможность для самореализации и проявления творчества в труде, особенно когда его труд заменили машины. Человек оказался не рядом с машиной в качестве управленца, как полагал К. Маркс в своих прогнозах развития материально-технического базиса общества, а вне машины и вне производства. Такая ситуация не была описана даже в популярных технократических утопиях XX в., которые в основном оптимистично рисовали картины технизированного будущего: дистанционная работа из домашнего офиса у А. Тоффлера [9], исчезновение рабочих при росте среднего класса у Д. Белла [10], компьютеризация всех сфер общества у Ю. Масуды [11].

Снижение социальной значимости труда широко распространено и в западных странах развитого капитализма. Объясняя этот процесс в рамках неомарксизма, лидер франкфуртской школы и до недавнего времени директор Франкфуртского института социальных исследований А. Хоннет отмечает, что социальный смысл и роль труда могут проявиться только в том обществе, где работающий слой имеет возможность участвовать в управлении своим предприятием, т. е. развивать демократию участия [12]. Следовательно, потеря социального смысла труда – это не только результат цифровизации (хотя она и оказывает решающее влияние на социально-экономические изменения в обществе), но и следствие развития капитализма, в котором отчуждение труда не исчезло, а приняло иные, по сравнению с временами К. Маркса, формы. В XXI в. труд теряет социальный смысл. Данный факт подтверждает, что развитие капиталистических отношений на постсоветском пространстве продолжается, причем независимо от того, признается ли этот процесс властями. Зарубежные авторы по-прежнему открыто утверждают, что современное общество остается капиталистическим и, несмотря на переживаемые трудности, обладает потенциалом для развития [13].

Бесспорно, в эпоху цифровой трансформации автоматизация трудовых процессов и оснащение экономики новейшими технологиями характерны в той или иной степени для любого развивающегося общества. При этом скорость внедрения цифровизации зависит от социального устройства конкретного общества.

В XXI в. зарубежные ученые описали такой феномен, как бессмысленный труд. Известный антрополог Д. Грэбер издал бестселлер, посвященный распространению данного феномена. По мнению автора, бессмысленный труд не только способствует поддержанию экономической эффективности, но и вызывает у работников неудовлетворенность своим трудом, поскольку его продукты никому не нужны [14].

[2]Второй шанс: комитет Госдумы обсуждает возвращение неполного высшего образования // Дети Mail : сайт. URL: https://deti.mail.ru/news/vtoroy-shans-komitet-gosdumy-obsuzhdaet/ (дата обращения: 19.06.2024).

Как утверждает Д. Грэбер, миллионы специалистов – консультантов по персоналу, координаторов по связям с общественностью, исследователей телемаркетинга, корпоративных юристов – занимаются социально бесполезной, лишенной творчества деятельностью, хотя и не осознают этого в полной мере. Д. Грэбер считает, что главный виновник появления бесполезного труда – нынешняя разновидность финансового капитализма, которая предает идеалы, разделяемые мыслителями капиталистического общества во времена Дж. М. Кейнса. В результате многие работники проявляют больше интереса к тому, как они проводят свой досуг, а не к тому, как они трудятся. Тем самым подтверждается предвидение западных социологов о том, что будущее общество – это не общество труда, а общество досуга [15]. Доминирующие социальные ценности радикально меняются, труд превращается в инструмент удовлетворения потребностей населения.

Многие социологические исследования, проводившиеся в России и Беларуси по меньшей мере на протяжении двух десятилетий, показывают, что современные работники оценивают труд не по тому, насколько он необходим обществу или влияет на их собственное развитие, а по размеру заработной платы [16–18]. Рост значимости инструментальной ценности труда продолжается уже длительное время, вытесняя собой социальные аспекты труда.

Цифровые риски и парадоксы в сфере труда

Современное общество уже давно было названо обществом риска [19], поэтому нет ничего удивительного в том, что процесс цифровизации принес новые вызовы. Они имеют гибридную природу и в сочетании с другими рисками внедрения новейших технологий в разные сферы деятельности (военную, экологическую, гуманитарную и др.) создают все большую опасность для существования человечества.

Сфера труда также стала рискогенным полем деятельности, причем ускорение цифровизации обусловливает продуцирование проблем. Создание искусственного интеллекта (ИИ) – это не столько торжество человеческой рациональности, сколько новый вызов обществу. Развитие ИИ может выйти из-под контроля, в результате чего уже сами люди будут подчинены умным машинам. Ловушка цифровой рациональности состоит в том, что при использовании информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), особенно ИИ, на уровне повседневности можно утратить гуманистические ориентиры развития и начать относиться к человеку как к некоему физическому объекту.

Чем опасна неконтролируемая цифровизация? Кто виновен в том, что радикальные изменения в сфере труда не всегда отвечают интересам граждан? На наш взгляд, цифровизация – это лишь инструмент, но не цель развития общества. Двойственная природа цифровизации очевидна не только на примере сферы труда. В настоящее время применение людьми цифровых компетенций на уровне повседневной жизни связано с удовлетворением бытовых интересов (покупки, развлечения, оплата товаров и услуг) либо с работой через интернет с возможностью получения максимальной зарплаты. Именно здесь человека и могут подстерегать ловушки цифровизации. Действия, направленные на позитивные изменения в результате внедрения ИКТ, имеют непредвиденные результаты и тем самым создают определенные риски.

Ловушки цифровизации трудовых процессов могут быть описаны следующим образом. Автоматизация производства должна была облегчить задачу работникам, особенно занимающихся физическим трудом. Новые технологии упростили деятельность представителей ряда профессий, но в то же время актуализировали угрозу массовой технологической безработицы. Множество людей, квалификация которых не соответствует инновационным технологиям, теперь не могут найти работу. Цифровизация ряда массовых профессий, внедрение инновационных технологий и роботизация производства приводят к сокращению рабочего времени и занятости, увольнениям работников в сфере производства, замене живого труда машинным трудом [20; 21]. Исследование М. Форда демонстрирует, насколько неоднозначные процессы происходят на рынке труда под воздействием технологических изменений. Технологическая безработица еще не является повсеместной, но процесс ее распространения идет, особенно в экономически развитых странах.

Инновационные технологии ведут к повышению уровня стресса работников. По результатам исследования, в котором приняли участие 1600 россиян из разных регионов страны, только 7 % не испытывают стресс на работе. В топ-3 наиболее стрессогенных факторов входят недоброжелательное отношение руководства (на это указали 15 % опрошенных), непрофессионализм команды (9 %) и высокая нагрузка (8 %). Исследование, проводившееся в России в 2023 г., показало, что 40 % работников считают свой уровень стресса высоким и очень высоким[3]. Как отмечают ученые, внедрение новых форм организации труда и методов управления, ведущих к росту интенсивности работы, одновременно со снижением

[3]Основным источником стресса на работе россияне стали чаще называть нагрузку и реже – поведение коллег // SuperJob : сайт. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/114665/osnovnym-istochnikom-stressa-na-rabote-rossiyane-stali-chasche-nazyvat-nagruzku-i-rezhe/ (дата обращения: 14.05.2024).

гарантий занятости населения «способствуют формированию достаточно агрессивной рабочей среды, где стресс становится постоянной составляющей трудовой деятельности» [22, с. 27].

Внедрение цифровых технологий в трудовую сферу часто приводит к тому, что люди сильно устают от высоких темпов работы, производительность их труда падает, а желание выполнять работу качественно исчезает. В результате трудовая мотивация идет на спад: люди не хотят, чтобы их труд становился более эффективным за счет его напряженности, даже если при этом заработная плата будет более высокой. Проведенное в России исследование выявило парадокс: более половины опрошенных работников выразили неготовность повысить свою производительность труда ни при каких условиях, хотя по международным меркам производительность труда россиян является относительно невысокой [23, с. 43]. При этом 20 % из них считают, что работают на пределе возможностей. Большинство опрошенных указали на то, что рост производительности труда и сверхурочная работа могут привести к сокращению свободного времени, что не соответствует их ценностным приоритетам. Досуг становится равнозначным по важности труду, а в некоторых группах оценивается даже выше. Труд, несущий риски и вызывающий стресс, не дает возможности для самореализации, поэтому все больше людей делают акцент на свободном от профессиональной деятельности времени. Такой позиции придерживается прежде всего молодое поколение работников. По мнению В. В. Радаева, у молодежи радикально меняется баланс ценности труда и качества жизни [24]. Как утверждают зарубежные авторы, появилось много специалистов в сфере информационных технологий, с легкостью меняющих место жительства, если это позволяет им повысить качество жизни и досуга [25].

Явно непредвиденным и негативным следствием внедрения ИКТ в разные сферы жизни стала возможность использовать их в целях контроля над людьми на рабочих местах. Более того, появилась техническая возможность следить за людьми и вне работы, т. е. сделать контроль тотальным. Как утверждает американский социолог Дж. Ширк, понятие работы расширяется: она поглощает жизнь и личность человека [26]. По его мнению, этот контроль уже был апробирован в период пандемии COVID-19. Технологии, призванные сделать труд более свободным и творческим, могут усилить зависимость работника и от машин, и от работодателя, использующего все новые средства контроля.

В приведенных исследованиях зарубежных ученых прослеживается аналогия с идеями, содержащимися в работе под редакцией Ж. Т. Тощенко, где анализируются феномен прекаризации труда и тенденция к прекаризации повседневной жизни в целом [27].

Заключение

В современную эпоху под влиянием цифровой трансформации социума и ряда других факторов, включая пандемию, рост масштабов дистанционного труда и неуправляемость процессами развития науки и технологий, труд перестал быть системообразующим основанием общества. В условиях роста ИКТ, роботизации и автоматизации производства социальная значимость труда снизилась. Общество постепенно превращается в социальную среду, полную новых парадоксов и рисков. Кроме того, существуют и медиариски, связанные с искажением информационного воздействия на сознание и поведение людей, распространением фейков и т. д. Данными явлениями нередко сопровождаются разнообразные революции в современном мире (цветная, вооруженная, ползучая и др.) [28].

Вероятно, самый большой риск цифровизации для общества заключается даже не в ожидаемой технологической безработице и не в господстве медиатехнологий над сознанием людей. Как предсказывал выдающийся ученый С. Хокинг, лет через 30–40 бесконтрольное развитие ИИ может привести к тому, что он заменит человека во всех видах деятельности, подчинив его своей воле, и человечеству наступит конец[4].

На наш взгляд, как только любые научно-технологические преобразования общества теряют свою культурную составляющую (не учитывают критериев человекомерности цифровизации), они начинают нести угрозу деформации и общества, и человека. Поиск путей минимизации цифровых вызовов, стоящих перед сферой труда и другими сферами жизни человека, в частности разумное ограничение использования ИКТ, ИИ и других инновационных интеллектуальных систем, конкурирующих с человеком, остается под вопросом.

Библиографические ссылки

1. Здравомыслов АГ, редактор. *Человек и его работа*. Москва: Мысль; 1967. 392 с.
2. Давидюк ГП, Писаренко ИЯ, редакторы. *Социальный эффект соревнования*. Минск: Беларусь; 1976. 95 с.
3. Соколова ГН. *Труд и профессиональная культура*. Минск: БГУ; 1980. 140 с.

[4]Stephen Hawking warned about the perils of artificial intelligence – yet AI gave him a voice // The Conversation : site. URL: https://theconversation.com/stephen-hawking-warned-about-the-perils-of-artificial- intelligence (date of access: 15.03.2024).

4. Иванов ВН, Писаренко ИЯ, редакторы. *Управление социальными процессами в коллективе: классовый подход*. Минск: Университетское; 1985. 287 с.
5. Соколова ГН. *Культура труда в социальном развитии рабочего класса*. Минск: Наука и техника; 1984. 220 с.
6. Маркузе Г. *Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества*. Москва: Refl-book; 1964. 368 с.
7. Данилов АН, редактор. *Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания*. Минск: БГУ; 2004. 230 с.
8. Чепуренко АЮ. Маркс в университете 3.0? *Социологические исследования*. 2018;5:26–34. DOI: 10.7868/S0132162518050033.
9. Toffler A. *The third wave*. New York: Morrow; 1980. 544 p.
10. Bell D. *The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting*. New York: Basic Books; 1976. 507 p.
11. Masuda Y. *Informational society as a post-industrial society*. Washington: World Future Society; 1981. 171 p.
12. Celikates R, Honneth A, Jaeggi R. The working sovereign: a conversation with Axel Honneth. *Journal of Classical Sociology*. 2023;23(3):318–338. DOI: 10.1177/1468795X231170980.
13. Sharma R. *What went wrong with capitalism*. New York: Simon and Schuster; 2024. 384 p.
14. Graeber D. *Bullshit jobs: a theory*. New York: Simon and Schuster; 2018. 333 p.
15. Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга. *Вестник Московского университета. Серия 12, Социально-политические исследования*. 1993;1:83–88.
16. Попов АВ. Современные аспекты трудовой мотивации населения. *Вопросы территориального развития*. 2013; 2:1–9.
17. Бобков ВН, редактор. *Средние классы в капиталистической России*. Москва: Кнорус; 2019. 208 с.
18. Титаренко ЛГ, Широканова АА. Стратегии выхода студентов белорусских вузов на регулируемый рынок труда. *Социологические исследования*. 2020;12:128–138. DOI: 10.31857/S013216250010303-6.
19. Beck U. *Risk society: towards a new modernity*. New York: Sage; 1992. 306 p.
20. Ford M. *Rise of the robots: technology and the threat of a jobless future*. New York: Basic Books; 2015. 334 p.
21. Бенанав А. Автоматизация и будущее труда. Проценко Н, переводчик. *Экономическая социология*. 2022;23(3):92–108.
22. Козина ИМ, Серёжкина ЕВ. Производственные факторы стресса в работе российских и французских IT-специалистов. *Социологические исследования*. 2019;5:26–35.
23. Карачаровский ВВ, Гурулева МН. Ловушка мотивации на российском рынке труда. *Социологические исследования*. 2023;8:34–46. DOI: 10.31857/S013216250027365-4.
24. Радаев В. *Миллениалы: как меняется российское общество*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2019. 224 с.
25. Aroles J, Bonneau C, Bhankaraull S. Conceptualising «meta-work» in the context of continuous, global mobility: the case of digital nomadism. *Work, Employment and Society*. 2023;37(5):1261–1278. DOI: 10.1177/09500170211069797.
26. Shirk J. From bureaucratic discipline to self-actualisation: using Marx and Foucault to critique the demand for better work rather than less work. *Administration and Society*. 2022;54(9):1827–1847. DOI: 10.1177/00953997211069049.
27. Тощенко ЖТ, редактор. *От прекарной занятости к прекаризации жизни*. Москва: Весь мир; 2022. 364 с.
28. Асеева ИА. Кривое зеркало цифровизации. *Вопросы философии*. 2024;2:25–33.

References

1. Zdravomyslov AG, editor. *Chelovek i ego rabota* [Man and his work]. Moscow: Mysl'; 1967. 392 p. Russian.
2. Davidyuk GP, Pisarenko IYa, editors. *Sotsial'nyi effekt sorevnovaniya* [Social effect of competition]. Minsk: Belarus'; 1976. 95 p. Russian.
3. Sokolova GN. *Trud i professional'naya kul'tura* [Work and professional culture]. Minsk: Belarusian State University; 1980. 140 p. Russian.
4. Ivanov VN, Pisarenko IYa, editors. *Upravlenie sotsial'nymi protsessami v kollektive: klassovyi podkhod* [Management of social processes in a collective: class approach]. Minsk: Universitetskoe; 1985. 287 p. Russian.
5. Sokolova GN. *Kul'tura truda v sotsial'nom razvitii rabochego klassa* [Work culture in the social development of the working class]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1984. 220 p. Russian.
6. Marcuse G. *Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [One-dimensional man. Study of the ideology of a developed industrial society]. Moscow: Refl-book; 1964. 368 p. Russian.
7. Danilov AN, editor. *Kafedra sotsiologii BGU: istoriya i sovremennost'. K 25-letiyu sozdaniya* [Department of sociology of Belarusian State University: history and modernity. To the 25th anniversary of its creation]. Minsk: Belarusian State University; 2004. 230 p. Russian.
8. Chepurenko AYu. Marx at the university 3.0? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;5:26–34. Russian. DOI: 10.7868/S0132162518050033.
9. Toffler A. *The third wave*. New York: Morrow; 1980. 544 p.
10. Bell D. *The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting*. New York: Basic Books; 1976. 507 p.
11. Masuda Y. *Informational society as a post-industrial society*. Washington: World Future Society; 1981. 171 p.
12. Celikates R, Honneth A, Jaeggi R. The working sovereign: a conversation with Axel Honneth. *Journal of Classical Sociology*. 2023;23(3):318–338. DOI: 10.1177/1468795X231170980.
13. Sharma R. *What went wrong with capitalism*. New York: Simon and Schuster; 2024. 384 p.
14. Graeber D. *Bullshit jobs: a theory*. New York: Simon and Schuster; 2018. 333 p.
15. Dumazedier J. [On the way to leisure civilisation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*. 1993;1:83–88. Russian.
16. Popov AV. [Modern aspects of work motivation of the population]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 2013;2:1–9. Russian.
17. Bobkov VN, editor. *Srednie klassy v kapitalisticheskoi Rossii* [Middle classes in capitalist Russia]. Moscow: Knorus; 2019. 208 p. Russian.

18. Titarenko LG, Shirokanova AA. Students' employment entry strategies in the Belarus regulated labour market. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;12:128–138. Russian. DOI: 10.31857/S013216250010303-6.
19. Beck U. *Risk society: towards a new modernity*. New York: Sage; 1992. 306 p.
20. Ford M. *Rise of the robots: technology and the threat of a jobless future*. New York: Basic Books; 2015. 334 p.
21. Benanav A. Automation and the future of work. Protsenko N, translator. *Journal of Economic Sociology*. 2022;23(3): 92–108. Russian.
22. Kozina IM, Serezhkina EV. Stressful characteristics of work of Russian and French software developers. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;5:26–35. Russian.
23. Karacharovskiy VV, Guruleva MN. Motivation trap on Russian labour market. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;8: 34–46. Russian. DOI: 10.31857/S013216250027365-4.
24. Radaev V. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2019. 224 p. Russian.
25. Aroles J, Bonneau C, Bhankaraull S. Conceptualising «meta-work» in the context of continuous, global mobility: the case of digital nomadism. *Work, Employment and Society*. 2023;37(5):1261–1278. DOI: 10.1177/09500170211069797.
26. Shirk J. From bureaucratic discipline to self-actualisation: using Marx and Foucault to critique the demand for better work rather than less work. *Administration and Society*. 2022;54(9):1827–1847. DOI: 10.1177/00953997211069049.
27. Toshchenko ZhT, editor. *Ot prekarnoi zanyatosti k prekarizatsii zhizni* [From precarious employment to precarisation of life]. Moscow: Ves' mir; 2022. 364 p. Russian.
28. Aseeva IA. The crooked mirror of digitalisation. *Voprosy filosofii*. 2024;2:25–33. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.06.2024.
Received by editorial board 24.06.2024.